

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

С.М. Зарин

**Ответ на критику
профессора М.М. Тареева**

Опубликовано:
Христианское чтение. 1909. № 1. С. 97-113.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Отвѣтъ на критику профессора М. М. Тарѣва *).

Проф. М. М. Тарѣвъ очень обидѣлся, повидимому, за *это* возраженіе; но самъ онъ говорить, что обидѣлся за другое, за то именно, что я указалъ на «неточность» выраженія у него православнаго ученія по данному пункту. Здѣсь проф. М. М. Тарѣвъ увидѣть ни болѣе, ни менѣе, какъ... *доносъ* въ «сферы»... «Онъ,—говоритъ про меня мой критикъ,—не упускаетъ случая укрѣпить свою репутацію въ глазахъ «сферъ» кивкомъ на подозрительность моего православія... *Точное* выраженіе православія—это (иронизируетъ профессоръ) привиллегія такихъ лицъ, какъ г. Заринъ»¹⁾. Далѣе проф. М. М. Тарѣвъ прямо говорить, что я «доношу» на его мнимое «неправославіе»²⁾... Я долженъ сказать, что изъ всего оскорбительнаго и запальчиваго, что угодно было сказать по поводу моего сочиненія и моей нравственной личности проф. М. М. Тарѣву, это—самое несправедливое, безосновательное, рѣзкое и бесконечно оскорбительное... Впрочемъ, и здѣсь я постараюсь быть объективнымъ и безстрастнымъ... Прежде всего, чтобы понять какую-то особенную чувствительность автора къ этому пункту и примириться—по возможности—нравственно съ нанесеннымъ мнѣ воплѣ не заслуженнымъ оскорбленіемъ, я долженъ принять во вниманіе личныя обстоятельства моего критика. «Долговременныя гоненія на религіозную мысль», о которыхъ онъ говоритъ³⁾, коснулись когда-то—отчасти—и его лично... Самъ проф. говорить о цѣ-

*) Продолженіе. См. декабрь 1908 г.

¹⁾ Стр. 312—313.

²⁾ Стр. 323, прим.

³⁾ Стр. 325.

⁴⁾ Стр. 338.

лыхъ годахъ своей тяжелой болѣзни и сгустившихся ударахъ судьбы, о своихъ тяжелыхъ личныхъ обстоятельствахъ ¹⁾. Все это, конечно, смягчаетъ впечатлѣніе незаслуженнаго оскорбленія, но вѣдь надо щадить и другихъ... И другимъ нелегко... Нельзя же руководиться принципомъ, что если «мнѣ было неприятно, то пусть же и другимъ будетъ тяжело».—Обращаясь къ существу дѣла, прежде всего долженъ рѣшительно заявить, что избирать сочиненія проф. М. М. Тарѣева средствомъ для «укрѣпленія своей репутаціи въ глазахъ» какихъ-то «сферъ» мнѣ и въ голову не приходило: ни нужды, ни повода, ни самой мысли о чемъ-либо подобномъ не было... Такъ же, напр., не было, какъ не было мысли уѣхать на жительство въ Австралію... Писать то, что думалъ, какъ самъ понималъ дѣло... Могъ ошибаться, но никакихъ постороннихъ къ дѣлу цѣлей, даже и менѣе постыдныхъ и болѣе допустимыхъ, не имѣлъ... За мою критику нѣкоторыхъ пунктовъ системы преосв. Теофана, за освѣщеніе вопроса о «евангельскихъ совѣтахъ», за признаніе зависимости святоотеческаго ученія—по нѣкоторымъ сторонамъ—отъ философскаго и т. п. я подвергся на диспутѣ критикѣ и нѣкоторому даже осужденію со стороны второго моего оффиціального оппонента... И я могъ предвидѣть это, но всетаки написалъ и напечаталъ то, что думалъ... Правда, мой оппонентъ оказался благороднымъ человѣкомъ... Дѣло шло только о болѣе или менѣе правильномъ пониманіи дѣла, а оцѣнки нравственной личности не касалось... И я никакъ не могъ предвидѣть, что у меня будутъ усматривать заднія мысли... Если и есть ошибки,—смотрите на нихъ, какъ на естественную дань недостаточной опытности въ первомъ литературномъ трудѣ, а не черните такъ личность... И въ данномъ случаѣ *ничего подобнаго* изъ того, что приписывается мнѣ проф. М. М. Тарѣевымъ, на самомъ дѣлѣ у меня *совершенно нѣтъ*. Имѣя безспорный критерій въ святоотеческомъ богословіи, я старался выражаться въ данномъ отношеніи очень осторожно. Прежде всего я оговариваюсь, что аргументація и способъ выраженія проф. М. М. Тарѣева въ значительной мѣрѣ объясняются «крайностями разбираемаго имъ взгляда» защитниковъ «святой плоти», «святого сладострастія», — «считающаго плотскую страстную чувственность и сладострастіе существенною, важнѣйшею принадлежностью идеальной человѣческой природы» ²⁾. О своемъ

¹⁾ Осн. христ., т. III, стр. 6.

²⁾ I, 198—199.

общемъ отношеніи къ воззрѣніямъ проф. М. М. Тарьева я говорю такъ: «расходясь съ представителями разбираемаго проф. М. М. Тарьевымъ взгляда, собственно въ данномъ пунктѣ *не вполне* соглашаемся, однако, и съ нимъ, считая необходимымъ отбѣнить сущность православнаго ученія *нѣсколько съ другой стороны*» ¹⁾. «Проф. М. М. Тарьевъ имѣетъ тенденцію вовсе отказать тѣлу, матеріальному элементу человѣческой природы, въ возможности и способности достигнуть «обоженія», общенія съ Богомъ какимъ бы то ни было путемъ» ²⁾. Если же я, — опять очень осторожно, — говорю, что *нѣкоторыя* выраженія автора «могутъ» «подать поводъ къ значительнымъ недоразумѣніямъ и, — по крайней мѣрѣ, отчасти, — къ справедливымъ нареканіямъ», ³⁾ — то вѣдь это *фактъ*, а не мое только личное впечатлѣніе. Такія недоразумѣнія начали высказываться въ печати, какъ только появилась въ свѣтъ — въ видѣ отдѣльной статьи — трактующая XI глава «Философіи евангельской исторіи». Оффиціальнѣйшій рецензентъ этой диссертациі вынесъ точно такое же впечатлѣніе въ данномъ отношеніи. «Рѣчь о таинствѣ хлѣба и вина», — пишетъ онъ, — не предваренная особыми замѣчаніями, можетъ смущать многихъ (7, 194, 197). То же самое нужно сказать и о слѣдующихъ положеніяхъ автора: «христіанское воскресеніе» (§ 65), духовность воскресенія (§ 57), чудеса благодворенія (107 и др.)» ⁴⁾. Рецензентъ указываетъ на замѣтку прот. Лаврскаго, какъ на доказательство того, что такое смущеніе уже *есть*. Проф. М. М. Тарьевъ въ недавнее время самъ констатировалъ аналогичный фактъ и притомъ со стороны В. В. Розанова ⁵⁾. У меня, не читавшаго тогда *ни одной* замѣтки по поводу XI главы сочиненія проф. М. М. Тарьева, явилось подобное же впечатлѣніе, — оно и отразилось на моей рецензіи. Нужно сказать, что первоначально только этою замѣткою и ограничивался весь мой параграфъ обзора богословскихъ воззрѣній проф. М. М. Тарьева ⁶⁾. Потомъ, познакомившись съ его статьями: «Духъ и

¹⁾ Стр. 201. ²⁾ Ibid. ³⁾ Стр. 204.

⁴⁾ Протоколъ засѣданія Совѣта Моск. Дух. Акад. 4 іюня 1904 г. Бог. Вѣстн. 1905, мартъ, стр. 175.

⁵⁾ Основы христ., т. IV, стр. 404.

⁶⁾ См. отзывъ проф. А. А. Бронзова о моемъ рукописномъ сочиненіи, представленнѣй въ Совѣтъ Академіи въ апрѣль 1905 г. въ протоколахъ Сов. 22 дек. 1906 г. въ „Христ. Чит.“ 1907, іюль, стр. 133, II.

плоть», я представилъ и ихъ послѣднй разборъ. Дѣло шло исторически-естественно. Но проф. М. М. Тарѣву хочется все у меня представить въ превратномъ видѣ: ему всюду видится «хитро задуманный и ловко проведенный маневръ». Если у меня лично не было ни повода, ни побужденія, ни желанія «кивать» какимъ-то «сферамъ» на «подозрительность» православія проф. М. М. Тарѣва, то и объективно моими сужденіями,—увѣренъ,—никто не воспользовался, не воспользуется и не могъ бы воспользоваться... Для этого—просто—не могло быть ни малѣйшаго повода, нѣтъ и соответствующаго матеріала... Кому, въ самомъ дѣлѣ, пришла бы въ голову мысль искать источника для обвиненій проф. М. М. Тарѣва въ моемъ трудѣ объ «аскетизмѣ»? Да и что я за авторитетъ для «сферъ»? Да, наконецъ, въ моемъ обзорѣ говорится о *неточности* «въ выраженіи» православнаго ученія лишь по нѣкоторымъ пунктамъ... Говорится совершенно корректно и общо... Только чѣмъ-то *другимъ* напуганное воображеніе можетъ рисовать такіа фантастическія картины... Но я то,—согласитесь,—здѣсь не причемъ... Просто подвернулся въ такой часъ... Не могу здѣсь не припомнить также очень характернаго случая... Еще совсемъ недавно самъ проф. М. М. Тарѣвъ, анализируя міровоззрѣніе В. В. Розанова, назвалъ его «убѣжденнѣйшимъ язычникомъ» ¹⁾. Въ своей статьѣ, напечатанной въ «Церковномъ Вѣстникѣ»—«Розановъ о смерти и воскресеніи» я, между прочимъ, сослался на эту характеристику... Вскорѣ мнѣ пришлось услышать отъ нѣсколькихъ почтенныхъ и весьма освѣдомленныхъ лицъ, что такой характеристики давать В. В. Розанову и—особенно—оттѣнять ее не слѣдовало, потому что какъ разъ въ то время у нѣкоторыхъ лицъ соответствующаго высшаго учрежденія была будто бы мысль отлучить Розанова отъ церкви за его языческое міровоззрѣніе... Опасались, что могутъ привлечь къ дѣлу и эту характеристику... Это было бы, конечно, неприятно... Ужели и въ данномъ случаѣ у проф. М. М. Тарѣва и у меня была мысль «донести» на Розанова, «кивнуть» на его язычество «сферамъ»? Между тѣмъ у проф. М. М. Тарѣва сказано ужъ очень рѣшительно: «Розановъ... послѣдовательно и отъ души ненавидитъ евангельскій духъ» ²⁾. Все это показываетъ, что пользоваться подобными приемами съ

¹⁾ См. и въ „Оси. Хр.“, т. IV, стр. 405.

²⁾ Христ. пробл., стр. 234.

цѣлью набросить тѣнь на рецензируемое сочиненіе—неудобно и некорректно... Къ такимъ ужъ дѣйствительно «легкимъ» побѣдамъ и дешевымъ эффектамъ лучше бы совсѣмъ не прибѣгать... При такомъ общемъ враждебномъ отношеніи ко мнѣ и къ моему сочиненію проф. М. М. Тарѣевъ—естественно—усматриваетъ всюду «стропотное» и въ «частностяхъ» моего критическаго обзора, причемъ, желая во что бы то ни стало читать между строкъ, онъ читаетъ иногда совершенно не то, что *прямо* значитъ у меня. Такъ, переходя къ разбору его статьи: «Духъ и плоть», я—въ видѣ простаго попутнаго замѣчанія, буквально въ цѣляхъ перехода отъ одного отдѣла къ другому,—говорю, что «анализъ одного факта воскресенія Христа, взятый въ своей отдѣльности, недостаточенъ» и т. д. Въ этомъ, совершенно невинномъ, замѣчаніи проф. М. М. Тарѣевъ ухитрился усмотрѣть цѣлую бездну пороковъ: здѣсь и «самодовольство» и «педантизмъ»,—и все это потому, что будто бы въ этихъ словахъ я «читаю» ему «наставленія». Такъ какъ мои слова имѣютъ смыслъ болѣе прямой и совершенно простой, чуждый заднихъ цѣлей, то лишь при желаніи не соглашаться буквально ни съ чѣмъ, что есть у меня, при стремленіи *все* представлять въ превратномъ видѣ—могло возникнуть это недоразумѣніе. Въ моемъ изложеніи нѣтъ даже и *повода* для проявленія обидчивости и раздраженія моего критика. Далѣе у меня прямо значитъ: «болѣе общее, широкое и принципиальное освѣщеніе вопроса о значеніи, содержаніи и смыслѣ христіанскаго аскетизма проф. М. М. Тарѣевъ предлагаетъ въ своемъ изслѣдованіи: «Духъ и плоть» ¹⁾). Мое раннѣйшее замѣчаніе, слѣдовательно, только объясняетъ, что хотя я и привлекаю къ разсмотрѣнію XI главу сочиненія: «Философія евангельской исторіи», однако знаю, что могу извлечь изъ нея для выясненія своего вопроса только нѣкоторыя, строго ограниченныя, данныя, почему и обращаюсь къ другому сочиненію профессора. Вотъ все, что хотѣлъ я сказать,—ни больше, ни меньше. Самъ профессоръ въ данномъ случаѣ даже не имѣлся въ виду; тѣмъ болѣе, конечно, никто не хотѣлъ читать ему «наставленій». Какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно исказать очевидные факты!.. Все это настолько мелочно, что, право тяжело и неприятно входить въ объясненіе этого недоразумѣнія. Если этотъ инцидентъ и имѣетъ значеніе, то лишь для характеристики отношенія ко мнѣ и къ моему труду проф. М. М. Тарѣева.

¹⁾ Стр. 201—202.

Таково же—въ общемъ—значеніе выраженія проф. М. М. Тарѣева и по поводу второй «частности». Вотъ соотвѣтствующее мѣсто критики. «Г. Заринъ увѣряетъ, что «проф. М. М. Тарѣевъ слишкомъ суживаетъ объемъ понятія «аскетизмъ», когда говорить, что природное отношеніе христіанина не становится неизбѣжно аскетическимъ, не создаетъ бѣгства изъ міра». Прежде всего г. Заринъ искажаетъ данное мѣсто. У меня, — объясняетъ критикъ, — написано слѣдующее: «Христіанство — въ абсолютности добра, въ соединеніи этики съ вѣрою, въ духовной вѣрующей любви... Природное отношеніе христіанина не становится *по одному этому* неизбѣжно аскетическимъ»... И что же? По мнѣнію г. Зарина по *одному этому* христіанство аскетично въ смыслѣ бѣгства изъ міра? Г. Заринъ получаетъ возможность разводить свои водянистыя разсужденія на тему о томъ, что отшельничествомъ не исчерпывается аскетизмъ, что религіозность не бываетъ обязательно отвлеченною, — прежде всего потому, что онъ лишаетъ рецензируемое мѣсто контекстуальнаго смысла. Во-вторыхъ, потому, что онъ намѣренно забываетъ мое систематическое рѣшеніе аскетическаго вопроса. Я ссылаюсь на все содержаніе сочиненія: «Цѣль и смыслъ жизни»... Ну, какой же смыслъ дѣлать мнѣ возраженіе, что я слишкомъ узко понимаю аскетизмъ?!»¹⁾ — О томъ, насколько «намѣренно» я могъ «забывать» соч. проф. М. М. Тарѣева «Цѣль и смыслъ жизни», — мнѣ уже приходилось говорить. Искажать рецензируемое мѣсто я и не думалъ. Слова «*по одному этому*» въ данномъ случаѣ рѣшительно не при чемъ: я приводилъ нужное мнѣ мѣсто лишь по мысли, а не буквально. Въ данномъ случаѣ я отмѣтилъ лишь, что аскетизмъ принимается въ *слишкомъ узкомъ* значеніи, когда самымъ характернымъ его признакомъ считается «бѣгство изъ міра», когда «дѣйствительная любовь къ живымъ людямъ» противопоставляется «отвлеченно-созерцательной религіозности». Такое противоположеніе у проф. М. М. Тарѣева—несомнѣнно—*есть*, и *это* въ настоящемъ случаѣ мнѣ только и важно было отмѣтить. Въ «заключеніи» своего «обзора» я указываю, что «въ понятіи «аскетизма» различаются *два* смысла, *два* значенія,—болѣе общее и широкое и болѣе узкое, специальное», наряду съ другими учеными, и проф. М. М. Тарѣевымъ²⁾. Здѣсь я разумѣлъ именно дан-

¹⁾ Стр. 311—312.

²⁾ I, стр. 378.

ное мѣсто. Если же я сказать, что проф. М. М. Тарьевъ иногда «слишкомъ суживаетъ объемъ понятія «аскетизмъ», то не отказываюсь отъ своего утвержденія и теперь, имѣя въ виду, напр., что «идеаль византійской святости» у него представляется исключительно съ «отвлеченно-аскетическимъ» характеромъ ¹⁾. Въ связи съ этимъ мы встрѣчаемъ у него такое категорическое утвержденіе: «односторонняя культура духа, чѣмъ было доселѣ христіанство, и что подмѣняло божественный духъ (= силу жизни) духовной безтѣлесностью, принесла горькіе плоды ложнаго аскетизма» ²⁾. Я считаю подобныя утвержденія излишне преувеличенными. Съ точки зрѣнія идейной, общей, философской такія характеристики, можетъ быть, и не возбуждаютъ недоумѣній и являются достаточными, съ точки же зрѣнія исторической, фактической дѣйствительности онѣ оказываются слишкомъ прямолинейными.

Третье—и послѣднее—замѣчаніе проф. М. М. Тарьева относительно «частностей» моего «разбора», при своей краткости, нуждается въ обстоятельномъ объясненіи. «Онъ,—говорить про меня критикъ,—приводитъ мои слова: «Евангеліе нельзя проповѣдовать дѣтямъ, потому-что это значило бы внушать имъ ненависть къ отцу и матери, а это было бы полною нецѣлостію,—и добавляетъ отъ себя: «такую же нецѣлостію, какою было бы внушать дѣтямъ отсѣчь правую руку, вырвать правый глазъ и т. п. Но такихъ нецѣлостей, т. е. внушать буквальное пониманіе евангельскихъ словъ, забывая всѣ правила для пониманія священнаго текста, — не слѣдуетъ внушать и взрослымъ» ³⁾. Это мѣсто проф. М. М. Тарьевъ въ примѣчаніи поясняетъ такъ: «т. е. у меня въ мукахъ сердечныхъ становится христіанская проблема, а г. Заринъ самую муку моего сердца, самую проблему мою называютъ нецѣлостію». Заканчивается вся реплика такъ: «любить г. Заринъ поучать. Но повѣрьте, г. Заринъ, религіозная проблема пошире тѣсной области экзегетическихъ правилъ». За такое отношеніе къ его «проблемѣ» проф. М. М. Тарьевъ называетъ меня—наряду съ о. І. Л. Янышевымъ и проф. прот. П. Я. Свѣтловымъ — стоящимъ «на низкой ступени религіозной критики». Я совершенно согласенъ, что называть «нецѣлостію» всякое искреннее и честное исканіе

¹⁾ Христ. пробл., стр. 69=245.

²⁾ Христ. пробл., стр. 241=Основы христ. IV, стр. 417.

³⁾ Стр. 334.

истины, особенно же соединенное съ «мукой сердца»,—въ высшей степени некорректно, неделикатно и даже прямо грубо. Но этого я и не хотѣлъ, да и не способенъ по своему характеру и настроенію дѣлать. Если у меня данъ хоть *поводъ* къ такому обвиненію, если могло только *показаться*, что у меня дѣло обстоитъ дѣйствительно такъ,—то и за это, за самый неосторожный способъ выраженія, я готовъ принести искреннее извиненіе: такъ дѣйствительно, неудобно то, въ чемъ меня обвиняетъ проф. М. М. Тарѣвъ въ данномъ случаѣ. Но не перетолковаль-ли тенденціозно проф. М. М. Тарѣвъ и это мѣсто, не придасть-ли ему другого, неблагоприятнаго для меня, освѣщенія? Вѣдь это уже не одинъ разъ было, какъ мы видѣли...

Всякія слова надо брать въ ихъ контекстуальной связи. Въ началѣ того отдѣла, изъ котораго заимствовано шкримнируемое мѣсто, у меня говорится: «проф. М. М. Тарѣвъ имѣлъ въ виду воззрѣнія гг. Розапова и Мережковскаго, а поэтому и выражается—замѣтно—примѣнительно къ ихъ терминологіи. Но отсюда же, быть можетъ, берутъ начало и нѣкоторыя существенныя неточности въ его трактатѣ¹⁾. Вышеприведенныя слова приведены именно, какъ примѣръ такой *неточности* въ выраженіи,—и больше я ничего сказать ими не хотѣлъ. Я находилъ только нѣсколько неудачною *аргументацію* въ данномъ случаѣ. Дѣтямъ нельзя проповѣдовать евангеліе просто потому, что они—*дѣти*, что они ничего еще не могутъ воспринимать разумомъ. Они даже не могутъ понять слова «ненавидѣть», а если бы поняли его, то, въ примѣненіи къ отцу и матери, къ братьямъ и сестрамъ, требованіе «возненавидѣть», конечно, показалось бы полною нетѣнностью»... Но вѣдь это не все и даже не самое характерное. Дѣти не могутъ *ненавидѣть* и вообще кого-бы то ни было, но именно за это, между прочимъ, качество Христось и призналъ дѣтей по преимуществу достойными «Царствія небеснаго» (Мѡ. XIX, 14). Мало того. Христось говорить, что для приобрѣтенія конгеніальности началамъ и требованіямъ «Царствія небеснаго» нужно пережить процессъ «обращенія» (ἐξυ μὴ στραφῆτε) въ результатъ котораго должно явиться возвращеніе къ настроенію дѣтскаго «самоуменьенія» (ταπεινώσει ἑαυτὸν ὡς τὸ παιδίον)... (Мѡ. XVIII, 3—4). «*Ненависть*» же, о которой говорить евангеліе, имѣетъ только *аскетическое*, отрицательное значеніе; это со-

¹⁾ Стр. 204.

стояніе важно въ *процессъ* «обращенія ко Христу и можетъ имѣть мѣсто, пока послѣдованіе за Христомъ, любовь къ Нему не сообщать человѣку *положительныхъ* качествъ, не переродятъ его всецѣло, причемъ и «*ἰουδὸς*» и «*ὀργή*» и «*μῖσος*» получаютъ особое, специально христіанское направление и назначеніе... Когда проф. М. М. Таръевъ говоритъ о томъ, что Евангеліе, между прочимъ, проповѣдуетъ «ненависть» къ родителямъ, братьямъ и сестрамъ въ томъ именно случаѣ, когда «для христіанина является необходимымъ избрать между отреченіемъ отъ Христа и родственною связью» ¹⁾, въ томъ именно моментѣ его послѣдованія Христу, когда человѣкъ долженъ пережить «познаніе суеты земной жизни и мимолетности ея благъ», причемъ необходимо «отталкиваніе отъ земли» ²⁾,—то онъ самъ совершенно правильно опредѣляетъ *аскетическій* моментъ, *аскетическій* характеръ, *аскетическій* смыслъ состоянія «ненависти». Въ этомъ смыслѣ самъ проф. М. М. Таръевъ справедливо говоритъ, что «для евангелія» аскетизмъ, понимаемый въ смыслѣ «отрѣченія» отъ внѣшнихъ (между прочимъ и отъ семейныхъ) благъ жизни «пріобрѣтаетъ этическій обликъ лишь» «въ качествѣ отрицательнаго условія духовнаго рожденія» ³⁾. Эта «ненависть» входитъ въ объемъ сложнаго состоянія христіанскаго «покаянія» (*μετάνοια*), христіанскаго «обращенія» (*ἐπιστροφή*), получаетъ свой смыслъ именно и только въ немъ. И дѣтямъ нельзя проповѣдовать «ненависть» постольку именно и потому, что имъ нельзя проповѣдовать и «покаянія». Между тѣмъ въ *данномъ случаѣ* проф. М. М. Таръевъ беретъ евангельское требованіе «ненависти» въ ея отдѣльности и обособленности,—причемъ оно принимаетъ какъ бы положительное и самостоятельное значеніе. Желая подчеркнуть это обстоятельство, я и присоединилъ указаніе на вполне *аналогичныя* требованія евангелія,—отсѣчь правую руку, вырвать правый глазъ и под., воспользовавшись при этомъ выраженіемъ самого проф. М. М. Таръева. Мои слова «такихъ нелѣпостей, т. е. внушать буквальное пониманіе евангельскихъ словъ, забывая, всѣ правила, необходимыя для пониманія не только священнаго текста, но и всякаго литературнаго произведенія вообще,—т. е. идиотизмы языка, приточный, аллегорическій способъ выраженія и проч.,—

¹⁾ Основы христ., т. II, стр. 272.

²⁾ *ibid*, стр. 258.

³⁾ Основы христ., т. II, стр. 259. См. стр. 262.

не слѣдуетъ внушать не только дѣтямъ, но и взрослымъ»,— эти мои слова не относились къ «проблемѣ» проф. М. М. Тарѣева, а тѣмъ болѣе къ его «мукамъ сердца». Я хотѣлъ лишь показать *недостаточность*, по моему мнѣнію, его аргументаціи *въ данномъ частномъ случаѣ*. Я разумѣлъ, что *никто*—и *онъ самъ*—не будетъ проповѣдовать «ненависти» къ родителямъ и братьямъ—въ прямомъ и непосредственномъ значеніи этого слова—проповѣдовать не только дѣтямъ, но и взрослымъ... Я недоумѣваю, почему эти слова проф. М. М. Тарѣевъ отнесъ къ своей «проблемѣ». Я могу и здѣсь допустить только одно, что это слѣдано исключительно съ тою цѣлью, чтобы отгнать мою мнимую критическую некорректность... «У меня, говоритъ проф. М. М. Тарѣевъ, въ мукахъ сердечныхъ ставится христіанская проблема, а г. Заринъ самую муку моего сердца, самую проблему мою называетъ нелѣпностью». Но развѣ проблема проф. М. М. Тарѣева сводится къ проповѣди ненависти къ родителямъ, братьямъ, къ приглашенію отсѣчь правую руку, вырвать правый глазъ и под.? Я этого никогда не могъ допустить, а теперь, изучивъ «систему» проф. М. М. Тарѣева, могу и документально доказать, что «экзегетическія правила» не отвергаются и имъ въ примѣненіи, въ частности, и къ данному вопросу о смыслѣ, объемѣ и значеніи евангельской «ненависти». Когда проф. М. М. Тарѣевъ лишь вообще, безъ особыхъ разъясненій, говоритъ объ этой «ненависти», его пониманіе звучитъ, дѣйствительно, въ смыслѣ безусловнаго и какъ бы даже буквальнаго требованія. Но это вѣдь еще не «проблема»... «Проблема» начинается тамъ, гдѣ вопросъ обсуждается специально, въ связи съ цѣльнымъ міровоззрѣніемъ автора. И здѣсь мы видимъ *по отношенію къ данному вопросу* разъясненіе весьма осторожное и умѣренное,—въ примѣненіи къ *практикѣ жизни* гораздо болѣе умѣренное даже, чѣмъ принятое пониманіе этой стороны евангельскаго требованія ¹⁾. Въ этомъ случаѣ исходнымъ пунктомъ у проф. М. М. Тарѣева служитъ то положеніе, что «евангеліе не знаетъ двухъ родовъ естественной жизни, оно знаетъ лишь одну естественную жизнь, которая образуется союзами брачными и родственными,—и оно признаетъ эту жизнь безспорнымъ и естественнымъ

¹⁾ Я не говорю уже о томъ, что „отсѣченіе соблазняющихъ органовъ“ объясняется—согласно съ экзегетическими требованіями—какъ „удаленіе земныхъ привязанностей“. Основы христ., т. II, стр. 254.

благомъ» ¹⁾). Такимъ образомъ, брачная жизнь—сама по себѣ—не только не отрицается евангеліемъ, но и, какъ естественная форма жизни, ничѣмъ другимъ параллельнымъ незамѣнимая, даже и не затрогивается. И это тѣмъ болѣе, что «цѣломудріе въ евангеліи понимается абсолютно, такъ что право на безбрачный родъ жизни отнимается малѣйшимъ движеніемъ похоти и остается только за уродами,—и въ смыслѣ обязательнаго безбрачія *лучше жениться, чѣмъ разжигаться*» ²⁾). Такимъ образомъ, по мысли профессора, общій, обычный, естественный, даже необходимый, за нѣкоторыми исключеніями, путь жизни—вступленіе въ бракъ. Въ какомъ же смыслѣ «евангеліе заповѣдуетъ отреченіе отъ этого блага»? ³⁾). Единственно—въ смыслѣ «оставленія семейной жизни, въ смыслѣ жертвы ею для царствія Божія» ⁴⁾). А это фактически должно осуществляться именно и только тогда, «когда брачная жизнь бываетъ несовмѣстима съ требованіями евангелія, когда она становится препятствіемъ на пути къ вѣчной жизни, т. е. когда или Христосъ зоветъ человѣка на какой-нибудь подвигъ, не выполнимый въ узкихъ предѣлахъ семейной жизни, или оцѣвившаяся семья начинаетъ опощливать человѣка. И ни въ какомъ случаѣ евангеліе не даетъ основаній для безбрачной жизни по общимъ мотивамъ душеспасенія» ⁵⁾). «Вотъ когда позоветъ Богъ семьянина на какое-нибудь Божье дѣло, и онъ благословитъ свою семью, поручитъ её Богу и добрымъ людямъ, а самъ пойдетъ на геройское дѣло, пытку и смерть и положитъ душу свою за Божію правду, за любовь къ людямъ,—тогда лишь онъ проявитъ себя христіанномъ. Если же нѣтъ еще этого зова, то христіанская семья ничѣмъ не отличается и не должна отличаться отъ хорошей языческой семьи. Христіанномъ семьянинъ бываетъ лишь въ томъ смыслѣ, что онъ носитъ въ себѣ эту способность откликнуться на зовъ Божій, но это его отличіе отъ матеріалистически-настроеннаго человѣка ни въ какомъ случаѣ со стороны не можетъ быть усмотрѣно и оцѣнено» ⁶⁾).

¹⁾ Основы христ. т. II, стр. 270.

²⁾ *ibid*, стр. 271.

³⁾ Ср. стр. 270.

⁴⁾ Стр. 271.

⁵⁾ Стр. 271. Ср. т. IV, стр. 420--421.

⁶⁾ Основы христ., т. IV, стр. 411.

⁷⁾ Принципіально, конечно, это вѣрно, но, во 1-хъ, мало мирится съ тѣми мѣстами сочиненій проф. М. М. Таръева, гдѣ „ненависть“ къ семьѣ понимается какъ бы въ прямомъ и точномъ смыслѣ, и, во 2-хъ, содержащееся въ приведенной выдержкѣ пониманіе дѣла не выражаетъ ни-

Въ этомъ случаѣ внутренній залогъ истинной христіанственности мирится и съ «семейнымъ эгоизмомъ», если онъ не переходитъ за извѣстные предѣлы ¹⁾. Итакъ, «ненависть» евангельская, по мысли профессора, не только не ведетъ къ безбрачію, но и къ оставленію семьи приводитъ лишь въ извѣстныхъ, — вообще говоря, рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Она не исключаетъ семьи, какъ формы жизни, ни мало не умаляетъ и не ослабляетъ семейныхъ

чего *специфически* христіанскаго. — если только, конечно, не имѣть въ виду, что душа *по природѣ* христіанка. Въ этомъ случаѣ всѣ герои древняго міра, беззавѣтно жертвовавшіе своею жизнью для блага людей, поступали по-евангельски до евангелія. Такое же нравственное геройство встрѣчается, — правда, не очень часто, — и на всемъ протяженіи исторіи челоѣчества, до послѣдняго времени. Одинъ изъ подобныхъ характерныхъ случаевъ произошелъ сравнительно недавно, въ Америкѣ. Въ августѣ прошлаго (1908) года разлилась рѣка Колорадо. Телефонная барышня въ глухую полночь была предупреждена, что на деревушку Фользомъ и ея окрестности надвигается наводненіе, что вода идетъ, смывая все на пути. Дѣвушка и не подумала о своемъ спасеніи; она стала поочередно по телефону сообщать жителямъ деревни о неминуемой и страшной опасности. Такимъ образомъ, она успѣла спасти сорокъ семействъ, пока сама не погибла въ бурныхъ волнахъ. По этому поводу г. Столыпинъ въ „Новомъ Времени“ (№ 11656) пишетъ: „когда мы читаемъ о томъ, что грабитель зарѣзалъ старуху, чтобы отнять у нея полтину денегъ, мы ужасаемся предѣламъ паденія челоѣческаго, во предѣлы челоѣческаго совершенства такъ же велики, такъ же непостижимы, какъ безпредѣльна бездна его паденія. Именно, то обстоятельство, что какая-нибудь непредвидѣнная случайность, въ родѣ наводненія, обнаруживаетъ героевъ духа среди самыхъ простыхъ, самыхъ непріязательныхъ обывателей, довольствующихся скромною и невѣдомою участію, выполненіемъ маленькаго и незамѣтнаго долга, именно это обстоятельство указываетъ на то, что великія сердца вовсе не рѣдкость, что свое величіе и святость они проявляютъ въ мелочахъ будничной жизни, но пусть придетъ трагедія жизни: она ихъ въ располхъ не застанетъ. Это великое утѣшеніе, потому-что цѣнность такого свѣтлаго, возвышеннаго, самоотверженнаго строя души вовсе не умаляется отъ того, что не было случая его громко и наглядно испытать. Американская телефонистка имѣла счастье на дѣлѣ испытать восторгъ великой жертвы. Я говорю: „счастье“, потому что иначе нельзя представить состояніе ея духа, это пользование послѣднимъ часомъ, послѣдними минутами, послѣдними секундами для могущественнаго дѣла спасенія ближнихъ... Сорокъ разъ подъ-рядъ она даровала жизнь прежде, чѣмъ потеряла свою, сорокъ разъ она трепетала восторгомъ того предѣла челоѣческой любви, который сливается съ Божественною сущностью“. („Свѣточи жизни“).

¹⁾ Стр. 410.

радостей, семейныхъ привязанностей. «Нося» въ обычныхъ условіяхъ жизни «чистое евангельское христіанство» «только въ душѣ» ¹⁾, христіанинъ «освящаетъ всю жизнь божественнымъ духомъ» ²⁾. Онъ «освящаетъ» и «общественныя отношенія и фізіологическія связи» ³⁾. «Разнородные элементы—природная фізіологія, человѣческое общество и божественный духъ—именно потому, что они разнородные, сочетаются гармонично по закону полной взаимной свободы и непостижимаго внутренняго взаимоотношенія» ⁴⁾. Фактически «бракъ» «даетъ жизнь *целостку*»—даетъ жизнь ребенку, «спасаетъ» жену и дѣлаетъ «живымъ» его самого» ⁵⁾.—Во всемъ этомъ для насъ важны не частности, а лишь то наблюденіе, что и «религіозная проблема» не можетъ обойтись безъ экзегетическихъ приемовъ и что пониманіе евангельской «ненависти» ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть буквальнымъ. А это—и только это, безъ желанія кого-либо оскорбить. — я и сказать. По данному пункту мнѣ хотѣлось бы только замѣтить, что для *принципиальнаго* противопоставленія евангельскаго и святоотеческаго ученія по вопросу о бракѣ и безбрачій нѣтъ обоснованныхъ данныхъ. Могу утверждать это на основаніи достаточнаго изученія святоотеческихъ твореній по этому вопросу, насколько онъ входитъ въ мою спеціальную область. У наиболѣе авторитетныхъ и знаменитыхъ св. Отцовъ Церкви противопоставляется на бракъ и безбрачіе, а бракъ и *дѣвство*. Подъ послѣднимъ приэтомъ разумѣется цѣлостное *духовное* настроеніе, въ основѣ котораго лежитъ всецѣлая самопреданность Христу и Его царству. Безбрачіе—лишь отрицательное условіе, *аскетическое средство* для поддержанія и воспитанія такого настроенія, избираемое—предпочтительно передъ бракомъ—лишь по психологическимъ соображеніямъ, примѣнительно къ индивидуальнымъ особенностямъ и обстоятельствамъ каждаго ⁶⁾. Брачное состояніе представляетъ препятствія для всецѣлаго послѣдованія Христу, для пріобрѣтенія вѣчной жизни, «не съ точки зрѣнія физической нечистоты», а вслѣд-

¹⁾ Стр. 411.

²⁾ Стр. 419.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Стр. 420.

⁶⁾ Ср. науп., *I. Златоустъ*. De poenit. c. III. Т. XLIX, col. 303—304. De virginitate c. V—VI. Т. XLVIII, col. 537; *ibid.*, c. LXXVII, col. 589—590; De verbis Apostolicis habentes eundem Spir. I. 6—7. Т. LI, col. 277—278. *Василій В.* Sermo ascet. c. I—II, col. 872 B—873 AC. *Меводій Патар.* Conviv. dec. virg. Or. XI. Arete. c. I. Т. XVIII, col. 208A. *Исидоръ II.* Lib. I. Ep. CCLXXXVI. Т. LXXVIII, col. 349 D—352 A и мн. др.

стве связанности съ матеріальными заботами, съ естественнымъ эгоизмомъ и узостью семейнаго круга ¹⁾. «Это твоя сестра во Христвѣ, потому пусть твое соединеніе съ ней будетъ святымъ, освяти это природно-сладкое соединеніе мыслию о ребенкѣ»: «такъ будутъ, по словамъ проф. М. М. Тарѣва, говорить грядущіе пророки» ²⁾. Но такъ,—конечно, по мысли, а не вербально, — говорили и нѣкоторые Отцы Церкви ³⁾. «Поднять семью» «путемъ святой личности—абсолютной христіанской цѣности жены и ребенка» ⁴⁾,—это именно святоотеческая мысль, святоотеческій завѣтъ. Если проф. М. М. Тарѣвъ, говоря, что «съ точки зрѣнія аскетической самымъ труднымъ считается примирить съ христіанствомъ скверну муже-женскаго соединенія» ⁵⁾, разумѣть церковно-историческую точку зрѣнія, въ ея отличіи отъ «евангельской точки зрѣнія», то это фактически не вполне вѣрно: главная особенность святоотеческихъ воззрѣній на бракъ заключается вовсе не въ указанномъ пунктѣ,—я это могу документально доказать. Но самое важное недоумѣніе у меня возникаетъ съ другой стороны. Мнѣ представляется, что, по воззрѣніямъ проф. М. М. Тарѣва, если ихъ провести послѣдовательно, евангеліе, принципиально ни мало не затрогивая природнаго существа брачной жизни, фактически дѣлаетъ бракъ, какъ форму жизни, совершенно невозможнымъ. «Семья, по евангельскому ученію, можетъ стать преградой на пути къ вѣчной (абсолютно-божественной) жизни со стороны семейнаго эгоизма, самымъ нагляднымъ видомъ котораго можно назвать семейную собственность. Что бы понять всю трудность этого столкновенія, слѣдуетъ оцѣнить, съ

¹⁾ Ср., напр., *1. Златоустъ*. Homil. XII in Epistol. ad Colos. T. LXII, col. 588—589. In Epist. ad Hebr. c. XIII. Homil. XXXIII. n. 2. Homil. XX in Epist. ad Ephes. T. LXII, col. 447. In illud, vidi Dominum. Homil. IV. c. I. T. LVI, col. 123—124. In ps. IX. c. 4. T. LV, col. 126 и мн. др.

²⁾ Основы христ., т. IV, стр. 418.

³⁾ Ср., напр., *Авваггоръ Афонян.* T. VI, col. 965. *1. Златоустъ*. In epist. ad Ephes. c. I. Hom. II. § 3. T. LXII, col. 20. *Авва Доровей.* Doctr. XV, c. 2, col. 1789—1792A. *Авванасій А.* Epist. ad Amunem monachum. T. XXVI, col. 1173 BC. *Августинъ.* Confessionum. lib. IV c. I. n. 2. T. XXXII, col. 694. Особенно же опредѣлено *Климентъ А.* Paedagog. Lib. II, c. X, t. VIII, col. 505 A: ἡ γὰρ φύσις, ὡςπερ καὶ ταῖς προφαις, οὕτω δὲ καὶ ταῖς κατὰ νόμον γίμοις, ὅσον οἰκεῖον καὶ χρήσιμον καὶ εὐπρεπές. χρῆσθαι ἐπέτρεψεν ἡμῖν ἐπέτρεψε δὲ ἀρέσασθαι παιδοποιῆας. Ὅσοι δὲ τὴν ὑπερβολὴν διώκουσι, πταίουσι περὶ τὸ κατὰ φύσιν.

⁴⁾ Стр. 418.

⁵⁾ Пр. христ., стр. 232—408.

одной стороны, всю высоту абсолютнаго евангельскаго идеала и, съ другой, всю глубину семейнаго эгоизма. Оставь отца и мать, жену и дѣтей, раздай все имѣніе»: вотъ евангельское требованіе¹⁾. «Быть благимъ (разум. Мо. XIX, 16—17 пар.) значитъ жить по-божьему, по абсолютнымъ нормамъ, т. е... раздать *все* свое имущество»²⁾. При этомъ семейный эгоизмъ не только «глубокъ, но и неизбѣженъ, непреодолимъ». «Вся культура семьи вырастаетъ единственно изъ семейнаго эгоизма... Но все дѣло въ опредѣленномъ *перевалѣ*: до тѣхъ поръ, пока семейная моральная культура не перешла за этотъ перевалъ, она остается плодомъ семейнаго эгоизма, въ немъ разрѣшается всецѣло, а какъ только перевалила на другой склонъ—склонъ христіанскаго духа, такъ необходимо начинается разрывъ семьи»³⁾. Изъ этого дѣлается выводъ, что «примѣненіе евангелія непосредственно къ формамъ мірской жизни», въ частности, «къ устройству семьи» невозможно и не должно имѣть мѣста. «Чистое евангельское христіанство можно носить только въ душѣ»⁴⁾, не примѣняя его непосредственно къ формамъ жизни, въ частности, и къ жизни семейной. «Исключительно-христіанская точка зрѣнія на жизнь есть неизбѣжно аскетическая точка зрѣнія»⁵⁾. Но христіанство не обнимаетъ и не должно обнимать всей жизни. «Если полная жизнь—въ ритмѣ прилива и отлива, то чистое христіанство—одинъ отливъ, оно лишь моментъ въ общей сложности жизни». «Не то, что бы христіанство только въ «ныткѣ и смерти», только въ разрывѣ семьи, но въ нихъ наглядно выражается характерное устремленіе христіанства»⁶⁾. «По евангелію единственное религіозное употребленіе богатства—*полная* его раздача, единственное спасеніе богача—стать бѣднымъ. Богатство служить евангелію исчезая, растаивая, и потому богатство для евангелія есть «мамона неправды». Богатствомъ человекъ можетъ приобрести себѣ друзей, какъ это сдѣлалъ «управитель невѣрный»: но управитель приобрѣлъ себѣ друзей своею невѣрностью интересамъ имѣнія, къ которому былъ приставленъ; такъ и дѣйствительный богачъ можетъ заслужить себѣ христіанское спасеніе, измѣняя своему богатству — *до конца, до полной раз-*

¹⁾ Христ. пробл., стр. 233—Осн. христ., т. IV, 409.

²⁾ Осн. христ. т. II, стр. 181, примѣч. 1-е. Курсивъ автора.

³⁾ Христ. пробл. 234—235—410—411. ⁴⁾ Ibid, стр. 235—411.

⁵⁾ Ibid, стр. 155—328. ⁶⁾ Стр. 235—411, примѣч. 1.

дачи его, до нищеты» (Лк. XVI, 9 ¹). Безспорно, что «евангелие обсуждаетъ богатство и бѣдность въ единственномъ отношеніи ихъ къ вѣчной жизни, къ лично-религіозной абсолютности» ²). Но самое существо послѣдней таково, что оно требуетъ безусловнаго исполненія этого евангельскаго призыва. «Нѣтъ ничего противнѣе смыслу евангельской проповѣди, какъ считать абсолютныя христіанскія заповѣди необязательными совѣтами или высшими заповѣдями, предполагающими заповѣди низшія, доступныя большинству и постепенно ведущія къ высшимъ степенямъ совершенства. Нѣтъ, абсолютныя заповѣди суть единственныя заповѣди евангелія; онѣ не стоятъ на вершинѣ христіанской лѣстницы, но ими какъ кончается, такъ и начинается христіанство» ³). Стало бытъ, здѣсь нѣтъ лазѣкъ для какихъ-либо компромиссовъ и уступокъ. Такъ дѣйствительно и понимали эту евангельскую заповѣдь величайшіе подвижники. Св. Василій В., напр., о богатомъ юношѣ говоритъ: «видно, что далекъ ты отъ этой заповѣди, и ложно засвидѣтельствовалъ о себѣ, что возлюбилъ ближняго, какъ самого себя. Ибо повелѣніе Господа вполне изобличаетъ тебя, что нѣтъ въ тебѣ истинной любви (τῆς ἀληθινῆς ἀγάπης)... Откуда у тебя такое имѣніе? Попеченіе о нуждающемся расточительно для богатства... Кто любитъ ближняго, какъ самого себя, тотъ ничего не имѣетъ у себя излишняго предъ ближнимъ (ὁ ἀγαπῶν τὸν πλησίον ὡς ἑαυτὸν οὐδὲν περισσότερον κέκτηται τοῦ πλησίον). Но ты оказываешься имѣющимъ большое богатство. Не ясно ли изъ этого видно, что употребленіе его для себя (οὐκείαν ἀπόλαυσιν) предпочитаешь ты облегченію участи многихъ? Поэтому, чѣмъ больше у тебя богатство, тѣмъ меньше въ тебѣ любви» ⁴). Здѣсь св. Отець стоитъ несомнѣнно на высотѣ евангельской абсолютности и смотритъ на обладаніе имуществомъ съ точки зрѣнія евангельской любви къ ближнему, которая включена въ заповѣдь о любви къ Богу, въ ней содержится, ее необходимо и нераздѣльно дополняетъ, вполне раздѣляя и ея абсолютность. Вотъ здѣсь — то собственно и возникаетъ вопросъ: *какъ* съ точки зрѣнія *этой* абсолютной заповѣди оправдывается какое бы то ни было фактическое обладаніе имуществомъ, безъ чего совершенно невозможна, какъ говорить самъ проф. М. М. Тарѣвъ, семейная жизнь? Великіе аскеты

¹) Т. II, стр. 267—268.

²) Ibid.

³) Стр. 182.

⁴) Т. XXXI, col. 281 АВ.

исполняли эту заповѣдь во всей точности и дѣлали это именно для осуществленія коренной евангельской заповѣди о любви къ ближнимъ. Поэтому именно для нихъ невозможна была и семейная жизнь. Последняя представлялась, кромѣ того, и сама по себѣ кругомъ слишкомъ узкимъ, какъ бы отнимающимъ любовь отъ другихъ людей и замыкающимъ ее поневолѣ въ своихъ тѣсныхъ границахъ. Теперь эта проблема рѣшается иначе: «евангельское христіанство можно носить только въ душѣ», но зато остается полная возможность семейной жизни съ ея естественнымъ, природнымъ эгоизмомъ. По моему мнѣнію, святоотеческое ученіе понимало евангельское ученіе прямѣе и опредѣленнѣе. Здѣсь же для меня все же неясно,—можетъ ли истинный христіанинъ, посвящій въ себѣ стремленіе къ вѣчной жизни, владѣть имуществомъ, вести семейную жизнь и проч. Правда, «жизнь все примиряетъ въ себѣ, — многогранная, она всему человѣческому даетъ въ себѣ мѣсто» ¹⁾. Но дѣло-то въ томъ, что «духъ евангельской абсолютности» есть духъ «противоположный всему человѣческому» ²⁾, а не только начало «разъородное» по сравненію съ «природной (физиологической) и «человѣческимъ обществомъ» ³⁾. *).

С. Заринъ.

¹⁾ Христ. пробл. 240—Г. IV, 416.

²⁾ Ibid, стр. 16—132.

³⁾ Стр. 243—419.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки